

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Н.Н. ЗАРУБИНА

**Культура богатства
в дискурсе неравенства:
особенности в современной
России***

В статье дается анализ различных составляющих дискурса богатства, форм его демонстрации и легитимации, представлений о богатстве-заслуге, богатстве-харизме, богатстве-удаче и их взаимодействиях при возрастающем социальном неравенстве в современной России в условиях глобализации.

Ключевые слова: социальное неравенство, дискурс, богатство, традиция, социальная ответственность, глобализация.

The paper analyzes the various components of the discourse of wealth, forms of its demonstration and legitimation, representations of the wealth of merit, wealth of charisma, wealth of good fortune and their interactions in terms of increasing social inequality in modern Russia, in the context of globalization.

Keywords: social inequality, discourse, wealth, tradition, social responsibility, globalization.

Углубляющееся социальное неравенство – важнейшая проблема современной России. Утрата ощущения социальной справедливости, падение уровня жизни значительной части населения, деление общества на богатых и бедных названы в качестве самых значительных потерь нашего общества за последние 20 лет [Двадцать... 2011, с. 26].

Все это ведет к нарастанию социальной напряженности. Причем необходимо учитывать, что социальная напряженность может усиливаться в результате не только реальных разрывов в уровне благосостояния, но и символического выражения этих разрывов, то есть под влиянием самого господствующего дискурса социального неравенства. Под таким дискурсом я понимаю, вслед за М. Фуко, социально и культурно обусловленные правила, согласно которым образуются знания и практики, актуализируемые в повседневной жизни и в социальных институтах, воспроизводящих социальное неравенство.

Выражением дискурса неравенства в повседневной жизни общества выступает культура богатства как совокупность социально приемлемых форм и способов его

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (гранты №№ 10-06-00424а, 12-06-00112а).

демонстрации и легитимации, которые включают соответствующие символические коды и нормы поведения. *Демонстрация богатства* служит для проведения символических границ между богатыми и другими социальными группами – как бедными, так и средним классом, – способствуя закреплению и воспроизводству социального неравенства. *Легитимация богатства* наделяет его общезначимым смыслом, оправдывает его в глазах общества и таким образом обеспечивает интеграцию богатых в общество и утверждает символическое единство с ним.

В современной России, по общему признанию, легитимизированная культура богатства пока не сформировалась, что проявляется в вызывающей демонстрации богатства и успеха, а также в агрессивном противопоставлении богатых бедным “неудачникам” и всему обществу [Собственность... 2006, с.181–182]. При этом в нашей стране сложился повседневный дискурс неравенства, способствующий возникновению чувства *несправедливости всего происходящего вокруг*. Это свидетельствует о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России. Это чувство в апреле 2011 г. хотя бы иногда испытывали 90% россиян, то есть подавляющее их большинство, при этом 46% испытывали его часто [Двадцать... 2011, с. 65].

Каковы перспективы развития культуры богатства в контексте дискурса неравенства в России с учетом особенностей ее реформирования, а также включения в процессы глобализации и усложнения социума?

Особенности культуры богатства в современной России

Субкультура богатства – составная часть культуры общества и имеет длительную историю развития, претерпевает трансформации, обусловленные как динамикой культуры, так и изменениями в способе производства. Поэтому культуру богатства в современной России следует анализировать на фоне тех изменений, которые переживало общество в целом. Ее формирование и развитие сходно с аналогичными процессами в других странах, однако имеет свою специфику, обусловленную исторически сложившимися особенностями социокультурных и институциональных условий нашей страны. Именно эта специфика и определяет современное состояние культуры богатства в России.

Поскольку в современной России отсутствуют крупные “старые” состояния, то вполне естественно, что это место в подавляющем большинстве заняли так называемые “новые богатые”, нувориши, появившиеся в постсоветской России практически на “пустом месте” как в социальном, так и в культурном смысле. Социальная база формирования новых богатых групп объясняет, почему излишества, экстравагантность, агрессия, повсеместно присущие нуворишам, проявились в постперестроечной России с особенной яркостью. В советский период, как известно, социальное расслоение общества искусственно сдерживалось, а те отдельные персонажи и группы, которые по советским меркам считались богатыми (деятели искусств, высокооплачиваемые специалисты), в силу малочисленности и изолированности не могли создать значимых для общества основ повседневной культуры богатства.

Следует сказать о *теневых предпринимателях* советского периода как социальной базе формирования постсоветских “новых богатых” и их влиянии на культуру богатства. Они обладали большими – по советским меркам – состояниями, но вынуждены были их скрывать. Кроме того, и это главное, тесная связь с криминальными субкультурами наложила сильный отпечаток *девиантности* на их образ жизни и сложившиеся поведенческие стереотипы. Именно это и проявилось в “лихие 90-е” в вызывающем бескультурие “новых русских”, в явном отвержении, извращении, попрании норм и ценностей, разделявшихся большинством в советский период.

Конечно, глубоко в исторической памяти, на периферии культуры России сохранились нормы и символические системы дореволюционного периода, воспоминания о меценатской и филантропической деятельности богатого класса, образцах аскетического служения, представленных в литературной и художественной традиции. Однако могли ли они составить основу формирования и восстановления культуры богатства

в постсоветский период? Представляется, что не могли. Как отмечает Ю. Лотман, «реконструкция утраченного уже языка, в системе которого данный текст приобрел бы осмысленность, всегда практически оказывается созданием нового языка, а не восстановлением старого, как это выглядит с точки зрения самосознания культуры. Постоянное наличие в культуре определенного запаса текстов с утраченными кодами приводит к тому, что процесс создания новых кодов субъективно часто воспринимается как реконструкция (“припоминание”))» [Лотман, 1992^б, с. 17].

Таким образом, наличие латентных культурных образцов не может существенно влиять на повседневные практики современных богатых групп, они фактически формируются заново. Хорошо известные образцы меценатского и филантропического служения, несмотря на попытки их “реанимации”, мало вдохновляют современных богатых, поскольку отсутствует создавшая их культурная среда. Этика служения, объединявшая сословия дореволюционной России, и соответствующий ей метаязык культуры, в котором экономические успехи интерпретировались в символах моральных добродетелей и общей пользы, а филантропия символизировала вклад в общее благо, ушла в прошлое. Вне такого метаязыка культуры *благотворительность и меценатство* трансформируются в практики *спонсорства и корпоративной социальной ответственности*, в основе которых лежат совсем другие ценности и нормы, преследующие иные, прагматические, цели и входящие в иной дискурс.

В традиционной русской культуре глубоко укоренилось представление о том, что *истинное* богатство составляют не столько деньги, капиталы и другие материальные активы, сколько нравственные и духовные ценности. Наиболее достойной сферой самореализации считалось именно духовное, патриотическое и социальное служение обществу. Однако в современной секулярной культуре этот метаязык оказался на периферии семиозиса, его потеснила циничная максима “если ты такой умный, то покажи свои деньги!”. Доказывать человеку, находящемуся вне православия и вне русской духовной традиции, что подлинное богатство нематериально, стало, по меньшей мере, бессмысленно.

Причина отсутствия традиции и неразвитости культуры богатства – в преобладающем *типе развития* русской культуры. Лотман назвал его *бинарным*, характеризующимся тем, что столкновение противоположных интенций при каждой трансформации приводит к глубинным переменам, затрагивающим все сферы общественной жизни: “...даже там, где эмпирическое исследование обнаруживает многофакторные и постепенные процессы, на уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного и безусловного уничтожения предшествующего и апокалиптического рождения нового” [Лотман, 1992^а, с. 268].

Именно бинарный характер культурных трансформаций в России приводит к тому, что при каждом историческом повороте совершается радикальная смена ценностных ориентиров, находящихся на одном полюсе смыслового континуума, на диаметрально противоположные. В полном соответствии с бинарной логикой в постперестроечные годы произошел резкий переход от крайности советской уравниловки и культа “трудящегося человека” с его скромными потребностями и незамысловатым бытом к крайностям неумеренного престижного потребления и экстравагантности нуворишей. Поэтому поведение “новых богатых” в современной России, особенно в начале экономических реформ, выглядит как *вызов* устоявшимся нормам культуры.

Если в советское время “вещизм” и погоня за деньгами строго осуждались идеологией и общественной моралью, то постсоветская культура возводит деньги и потребление в ранг символа всех возможностей и достоинств личности, а также универсального критерия ее эффективности и состоятельности. В смысловом поле русской истории “новые богатые” с их культурой выполняют миссию *радикального отрицания крайностей уравнилительной справедливости* советского времени, а заодно и таких повседневных норм, как скромность, альтруизм, самопожертвование. При этом наиболее эффективным способом утверждения новых норм оказывается агрессивная демонстрация материального превосходства, открывшихся потребительских возмож-

ностей, при полнейшем пренебрежении незыблемыми ранее нравственными нормами. В 1990-х гг. заметной частью дискурса неравенства в повседневной смеховой культуре стали анекдоты о “новых русских”, в которых на уровне обыденного сознания вырабатывалось понимание сущности и формы социальных и культурных трансформаций российского общества.

Еще Т. Веблен в “Теории праздного класса” рассматривал демонстрацию богатства как неотъемлемое следствие его социальной природы: “Богатство или власть нужно сделать очевидными, ибо уважение оказывается только по предоставлении доказательств. И свидетельство богатства не только служит тому, чтобы внушить людям представление о своей важности и поддерживать ощущение своей значимости в других людях, – оно едва ли не так же полезно в поддержании своего самодовольства” [Веблен, 1984, с. 84].

Демонстрация богатства как составная часть его культуры предполагает акцент на собственном превосходстве перед другими социальными группами. Описанная Вебленом широчайшая гамма способов такой демонстрации включает: демонстративное потребление, демонстративную праздность, “денежные каноны вкуса” (согласно которым все потребляемые предметы должны прежде всего демонстрировать высокую стоимость), “денежный уровень расходов”, ниже которого опускаться неприлично [Веблен, 1984, с. 142–143]. Выработывается система символов, маркирующих принадлежность к высшим слоям общества, которые интерпретируются в конкретных социокультурных контекстах. Складывается *дискурс демонстрации богатства*, ориентированный на закрепление системы социального неравенства.

В дискурс демонстрации богатства входят не только символы и практики демонстративного потребления. Одним из маркеров, активно и практически повсеместно используемых “новыми богатыми”, стала *демонстративная вседозволенность* как постоянное желание проверять на прочность существующие социальные нормы, подчеркивая свою исключительность заведомо запрещенными поступками по принципу “всем нельзя, а мне можно”. Лотман называл подобные маркеры “ритуальными пороками”: “...то, что в бытовой перспективе может рассматриваться как порок, в семиотической делается знаком социального ритуала... ритуализированные пороки воспринимались как знаки посвящения” [Лотман, 1992^a, с. 174–175].

Именно этими особенностями демонстрации богатства и связанного с ним социального превосходства Лотман объяснял поведение купцов-самодуров в XIX в. [Лотман, 1992^a, с. 129]. Аналогичную природу имеют и экстравагантные выходы современных нуворишей, особенно молодежи, в частности, демонстративное пренебрежение владельцами дорогих автомобилей правилами дорожного движения. Характерно, что подобное поведение “новых русских” вызывает однозначное осуждение за рубежом и наносит России немалый репутационный ущерб: западный обыватель воспринимает его в сопоставлении с уже устоявшейся традицией своих “старых” богатых, которые избегают эпатировать общество, выставляя свой особый статус напоказ. Однако у нас в стране эскапады “новых русских” встречаются не только и не столько осуждение, сколько снисходительные насмешки (как известный эпизод в Куршавеле), свидетельствующие о, может быть, подосзнательном понимании *ритуального* характера подобных выходов, желании продемонстрировать принадлежность к касте, которой “все можно”.

Демонстрация богатства как элемент его культуры выполняет важнейшую социальную функцию символического закрепления социальной стратификации, обеспечения дифференциации общества. Она позволяет выделить особо престижные группы, принадлежность к которым представляется многим желанной целью. Латентный аспект этой функции – *обособление и самоизоляция* богатых социальных групп, их противопоставление обществу. По данным социологов, в начале 2000-х гг. более половины опрошенных исключали даже частичное взаимопонимание между бедными и богатыми [Козырева, 2004, с. 229]. Во второй половине 2000-х гг. – в период относительного благополучия – противоречие между богатыми и бедными все еще продолжало восприниматься в обществе как самое острое из всех социальных противоречий [Свобода... 2007, с. 12, 248, 262].

Легитимация богатства как составная часть его культуры: специфика в современной России

Вопреки распространенному мифу о традиционном неприятии богатых и богатства в русской культуре, социологические опросы показывают, что у россиян нет принципиального неприятия богатых и богатства, тем более ненависти к ним. Однако россияне низко оценивают *роль богатых в жизни общества*, приписывая им безразличие к судьбе своей страны [Горшков, Тихонова, 2004, с. 17].

Улучшению взаимоотношений богатых и остальной части общества служит *легитимация богатства* как часть культуры богатых и часть дискурса социального неравенства. Культура богатства складывается не только в результате “монологического” развертывания собственных социальных практик богатых социальных групп, но и как “ответ” на ожидания и требования общества.

Цели легитимации богатства служит совокупность нормативных поведенческих стандартов и символических систем, складывающихся (как преднамеренно, так и латентно) в конкретном социокультурном контексте для формирования *представлений о соответствии источников богатства и способов его использования представлениям об общезначимых интересах и общей пользе*.

Легитимация богатства имеет дело с *восприятием реальности* – не столько с социальными ролями и функциями богатых, сколько с приписываемыми им оценками: поэтому она связана с производством *мифов*. Под мифом в данном случае я понимаю, согласно определению Р. Барта, *вторичную семиотическую систему*, построенную на основании уже существующих в языке первичных конструкций: “то, что в первичной системе было знаком (итог ассоциации понятия и образа), во вторичной оказывается всего лишь означающим... Миф как бы возвышается на ступеньку над формальной системой первичных значений” [Барт, 2000, с. 239]. Таким образом, мифология богатства – это восприятие обществом его легитимности, весь колоссальный пласт оценок, интерпретаций, идеологических конструкций и всего, что люди думают о богатых.

Некоторые из распространяемых мифов о природе и свойствах богатства имеют глубокую историю. Еще Веблен говорил о богатстве как знаке особых доблестей, заслуг, особо похвальных качеств личности. В результате постепенного “перевертывания” этих понятий богатство само по себе превратилось в достоинство. Здесь Веблен, не используя понятия мифа, говорит о формировании мифологемы *богатства-заслуги*, и в этом контексте богатство как таковое интерпретируется как знак несомненных заслуг перед обществом, будь то вознаграждение за воинскую доблесть, усердие или предпринимательский талант, эффективность и востребованность. На Западе эта мифологема получила закрепление в протестантской этике, рассматривающей богатство как знак избранности и особой угодности Богу. Ее же поддерживает либеральная рыночная идеология, утверждающая, что богатством вознаграждается инициатива и трудолюбие.

В России представление о том, что “трудом праведным не наживешь палат каменных”, оказалось достаточно устойчивым, хотя и не определяющим отношение к богатым в целом. По данным социологов, в современной России тех, кто считают именно трудолюбие и высокую профессиональную квалификацию источником и причиной благополучия, больше среди богатых, чем среди бедных [Горшков, Тихонова, 2004, с. 2]. Это можно объяснить уверенностью в несправедливости первичного накопления капитала в постсоветский период: даже спустя 20 лет приватизацию и либерализацию цен негативно оценивают 60% опрошенных [Двадцать... 2011, с. 40]. Распространение коррупции, связь крупного бизнеса с государством и высокая степень криминализации также не способствуют укреплению представлений о справедливо нажитых богатых состояниях.

Представления о “богатстве-заслуге” нередко переплетаются с мифологемой *богатства-харизмы*, которая связывает богатство с особыми, исключительными свойствами личности – талантом, инициативой, решительностью, смелостью, го-

товностью к риску и т.д. В ее контексте богатство интерпретируется как результат особого отношения к миру, основанного на духовной свободе и способности видеть возможности, которые другие не видят в силу своей ограниченности и привязанности к привычным условиям существования, боязни выйти за их пределы. Характерно, что в современной России бедные склонны интерпретировать богатство как результат не столько профессионализма, тем более трудолюбия, сколько качеств личности, которые можно охарактеризовать в целом как авантюризм, смелость и агрессивность [Горшков, Тихонова, 2004, с. 16–17].

С мифом “богатства-харизмы” связано распространение мифа случайного *богатства-выигрыша*, основанного на дискурсе риска и иррациональной удачи. Он утверждает в качестве наиболее привлекательных самые быстрые и простые способы обогащения, отнюдь не связанные с длительными и обременительными усилиями. Этот миф существовал всегда, побуждая людей авантюрного склада к поискам сокровищ, азартным играм и другим практикам, не осуждаемым или запрещенным, но и не связанным с конструктивными усилиями, социальной значимостью и пользой.

Не менее глубокие исторические корни имеет мифологема *богатства-служения*, происходящая из космоцентричных традиционных представлений о долге богатых сословий перед обществом. В дореволюционной России она получила весьма широкое распространение: “Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти и в том, что именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые смотрели как на выполнение какого-то свыше назначенного долга” [Бурышкин, 1990, с. 100].

В современной России мифологема “богатства-служения” не получает развития по нескольким причинам. *Первая*, о которой говорилось выше, – отсутствие широкого духовно-нравственного и религиозного дискурса, интерпретаций экономических категорий на метаязыке моральных добродетелей и общественной пользы, в контексте которых она могла бы сложиться. *Вторая* причина кроется в гипертрофированном индивидуализме, составляющем одну из особенностей современного российского либерального дискурса и активно навязываемом в качестве базовой социокультурной предпосылки экономической модернизации страны. Однако в современной России индивидуализм принимает не активный и творческий, а пассивный и потребительский характер; он не порождает в массовом масштабе ориентации на активную самореализацию и самоорганизацию, установки на гражданскую активность, карьерный и профессиональный рост. Он не мотивирует активную социальную позицию, стремление взять на себя ответственность за развитие общества или хотя бы за решение локальных проблем. Напротив, как показывают социологические исследования, укрепляющийся в последние годы индивидуализм связан с частными семейными, бытовыми, потребительскими ожиданиями, предпочтением личных интересов общественным (коллективным) [Готово ли... 2010, с. 148].

Третья причина связана с тем, что вариантом мифологемы “богатства-служения” является “экономическое служение” – представление о том, что богатство инвестируется в развитие экономики и таким образом выполняет важнейшую функцию экономического развития, модернизации страны, создания рабочих мест. Однако закреплению этой мифологемы препятствует хорошо известная ориентация отечественного бизнеса на экспорт сырья, вывоз капитала, инвестиции за рубежом, в том числе в элитное жилье и престижное сверхпотребление. Кроме того, ограниченность этой мифологемы состоит в том, что она относится лишь к предпринимательскому богатству. Но помимо предпринимателей, к богатым социальным группам относятся и крупные государственные чиновники, руководители разных уровней, а также представители других групп, оцениваемых обществом сугубо негативно (криминал), не несущие никакой социальной ответственности, скорее наоборот, воплощающие разные формы и степени социальной безответственности. Показательно, что из социальных групп, среди которых больше всего богатых, общественное мнение лишь предпринимателей причисляет

ет к “способствующим развитию страны”, хотя и не в первую очередь. Руководители же предприятий и фирм, а также государственные чиновники прямо отождествляются с торможением развития и застоём [Готово ли... 2010, с. 128].

Дискурс социально ответственного предпринимательства и “корпоративного гражданства”, который мог бы стать основой для закрепления мифологемы “богатства-служения”, в нашей стране остается неразвитым. Он пока носит локальный специализированный характер, в то время как большинство населения не осведомлено о социально ответственных действиях отечественных компаний. Можно констатировать, что на сегодня в России утвердился, скорее, миф “безответственного” бизнеса, и социальной защиты народ ожидает не от бизнеса, а от государства [Готово ли... 2010, с. 20, 30].

Развитие дискурса неравенства и культуры богатства в условиях глобализации и усложнения социума

Проблема легитимации богатства особенно остро встала в период становления индустриального капиталистического общества, или общества модерна, с его классовой дифференциацией, формальным равенством и этикой ответственности. Как трансформируется эта проблема при переходе к современному сложному обществу с размыванием классовых признаков, социальной дезинтеграцией и плюрализмом этических стандартов?

Особенности культуры богатства в современной России определяются не только спецификой ее социокультурной динамики и исторической судьбы, но и мировой социально-экономической и культурной динамикой, в которую наша страна включена. Эта динамика характеризуется глобализацией экономических и информационных процессов, нелинейностью развития и усложнением социума, проявляющихся, в частности, в анклавизации общества и растущей социальной дезинтеграции (см. [Кравченко, 2010]).

Изменения в дискурсе неравенства и культуре богатства обусловлены тем, что капитал в условиях глобализации становится все более *независимым от реальной экономики*, а также связанных с ней местных сообществ. Глобальная финансовая экономика оказывается наиболее прибыльной сферой бизнеса, позволяя в силу специфики электронных денег освобождаться от любых социальных обязательств. Этот мировой контекст накладывает отпечаток, во-первых, на символику демонстрации богатства и его противопоставление обществу, которое не только становится более радикальным, но и приобретает дополнительные смыслы дистанцирования и самоизоляции богатых. Во-вторых – на символическую легитимацию богатства, которая занимает все меньше места в его культуре и переносится из реальной жизни в виртуальные, симулятивные пространства.

Еще Г. Зиммель в “Философии денег” показал, что обратной стороной развития денежной формы богатства в рыночном капиталистическом обществе является крайняя индивидуализация, разобщение людей, разрыв межличностных отношений [Simmel, 1978, с. 303]. Финансовая глобализация завершает процесс отрыва капитализма от его социальных, национальных, культурных предпосылок. Индивидуализм богатых проявляется в формировании *легитимных возможностей для обладателей наибольших состояний не считаться с обществом*. В индустриальном капиталистическом обществе стремление собственников капитала к наращиванию прибыли уравнивалось требованиями социальной справедливости со стороны наемных работников. Капиталу противостояло рабочее движение, институционализированное в форме профессиональных союзов и политических партий. Но современному глобальному капиталу не противопоставит “глобальный профсоюз”, и, таким образом, можно констатировать, что два основных социальных полюса капиталистического общества – труд и капитал – оказались *оторваны друг от друга*.

В результате глобального финансово-экономического кризиса 2008 г. на грани краха оказалась вовсе не глобальная экономическая элита, а социальная система, воплощенная в социальных государствах Западной Европы и модели “общества массового благосостояния”. Однако вместе с характерной для общества “твердого” модерна устойчивой идентичностью социальных групп на основе общности интересов оказалась подорванной и способность солидарно выступать в качестве субъектов политической жизни. В многочисленных случаях несправедливых и неправовых действий экономических и управляющих субъектов, затрагивающих жизненные интересы людей, они не в состоянии сплотиться и противопоставить экономической элите какую-либо консолидированную программу. Социальные протестные движения приобретают специфическую “текущую” форму, объединяя людей не столько на основе долгосрочных интересов и идентичностей, сколько на короткие периоды для решения конкретных краткосрочных задач. Примером служит подъем протестных движений, спровоцированных явным нежеланием глобальной элиты спасти социальные гарантии населения экономически развитых стран, которые, подобно движению “Захвати Уолл-стрит”, оказались кратковременными и не приняли массовых масштабов.

В основе функционирования практически всех современных “социальных государств”, обеспечивавших социальную справедливость на уровне доступа к социальным благам и достойному образу жизни, лежат высокие налоги на прибыли. Однако глобализация подрывает и такую форму ответственности богатых перед обществом. Это позволило У. Беку говорить о возникновении в условиях глобализации “капитализма без налогов”: “Предприятия могут производить продукцию в одной стране, платить налоги в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры – в третьей... Пикантность ситуации заключается в том, что именно самые богатые становятся *виртуальными налогоплательщиками*...” [Бек, 2002, с. 15].

Бремя содержания развитой социальной инфраструктуры, поддержания традиционно высокого уровня культуры, обеспечения безопасности ложится на *реальных налогоплательщиков* – мелких и средних предпринимателей, частных лиц. Возникает конфликт между *виртуальными* и *реальными* налогоплательщиками: лидеры глобализации пользуются фактически бесплатно социальными и культурными достижениями высокоразвитых стран, оплачиваемыми “неглобализированным” местным населением, которое, вдобавок ко всему, страдает от издержек глобализации вроде сокращения рабочих мест в результате вывода предприятий в регионы с более дешевой рабочей силой, не требующей социальных гарантий.

Характерно, что в период президентской предвыборной кампании 2012 г. в России в очередной раз был поставлен вопрос о введении налога на сверхпотребление. Он мог бы стать символическим посланием богатым о необходимости инвестирования не в роскошь, а в экономическое развитие и в социальную ответственность. Однако это предложение было встречено вполне резонными возражениями практического характера, основанными на возможностях ухода от налогов в условиях глобальной мобильности капиталов.

Снижение значимости институтов налогообложения, социального обеспечения, национального государства приводит к падению уровня социальной интеграции даже внутри относительно стабильных и благополучных социальных государств Европы. Становится все меньше опосредствующих звеньев внутри социальной системы, объединяющих бедных и богатых и обеспечивающих их диалог, согласие, взаимную толерантность. Социально-экономическая система перестает быть *единым целым* с двумя полюсами – бедных и богатых. Богатым теперь вообще *не нужны бедные* – ни в качестве постоянных работников, ни в качестве потребителей – ведь виртуальные финансы свободны как от производства, так и от рынка. В результате у них все меньше точек соприкосновения, и игнорирование богатыми интересов общества, разрывы коммуникаций и взаимное отчуждение претворяются в реальные формы временной и пространственной сегрегации.

Особая ценность современного общества – мобильность, способность к быстрым перемещениям, регулированию их направления и скорости. Это возможность не только путешествовать, менять не просто место жительства, но и образование, профессию, образ жизни, получая преимущества от перемещений в физическом и социальном пространстве. Мобильность в условиях глобализации открывает возможности максимальной выгоды, при минимальных обязательствах. Доступ к такой продуктивной мобильности имеют в первую очередь богатые социальные группы, поскольку она является следствием преобладания денежной формы капитала над всеми остальными [Зарубина, 2011, с. 173].

В условиях “текущей современности” продуктивное богатство представляет собой не только и не столько накопленные материальные ценности, которые можно с гордостью демонстрировать. Современное богатство предстает в форме нематериализованных, виртуальных активов, дающих “расширяющийся диапазон доступных возможностей” [Бауман, 2008, с. 135]. Культура богатства состоит в умении пользоваться этим диапазоном, оперативно меняя вектор приложения своих усилий и не принимая во внимание соображения идентичности, локальной солидарности, легитимности.

В качестве иллюстрации подобной трансформации современного богатства и его культуры З. Бауман приводит пример биографии одного из самых богатых людей планеты – У. Гейтса. Если для “классических” капиталистов индустриальной эры, таких, как Дж. Рокфеллер, главной целью был работающий капитал, воплощенный в материальных объектах – заводах, нефтяных вышках, машинах, то для Гейтса предпочтительнее “находиться в системе возможностей вместо того, чтобы парализовать себя на отдельной конкретной работе”, не связывать себя обязательствами, воплощенными в устойчивых отношениях и имуществе. Поражает “бесстыдная, откровенная, даже хвастливая готовность Гейтса уничтожить то, что он сделал, с учетом требований данного момента. Гейтс оказался игроком, который процветает среди беспорядка. Он был достаточно предусмотрительным, чтобы не развивать у себя привязанности и не принимать на себя длительных обязательств по отношению к чему-либо, включая результаты своей собственной деятельности” [Бауман, 2008, с. 135].

Проявляются ли эти тенденции в современной России? По мере включения крупного отечественного капитала в глобальные экономические отношения процесс его освобождения от социальных обязательств проявляется все сильнее. На рубеже XX–XXI вв. социологи отмечали, что в России богатые и бедные “варятся в одном котле”, жесткие социальные границы между ними еще не оформились [Горшков, Тихонова, 2004, с. 22]. Имелось в виду как наличие близких социальных связей – профессиональных, родственных, дружеских, так и территориальных общностей. В этот период в российских городах еще практически не было районов, где богатые и бедные не жили бы рядом, даже на престижной подмосковной Рублевке они вынужденно соседствовали. Однако в других сферах жизни, в первую очередь в потреблении товаров и услуг и использовании соответствующей инфраструктуры, в возможностях доступа к здравоохранению, образованию, культуре эти две группы уже принципиально дифференцированы [Давыдова, Седова, 2004, с. 48].

По прошествии первого десятилетия XXI в. усилился не только экономический, но и социальный и даже пространственный разрыв между богатыми и бедными. Происходит и сокращение общественных пространств, которые реально могли быть местом встречи представителей различных социальных групп и основой хоть какой-то общности их жизненных миров: общественная деятельность, развлечения, покупки у бедных и богатых происходят физически в разных местах. Можно отметить и явную тенденцию к дальнейшей сегрегации, основанной как на символических, так и на физических границах: дресс-код и фейс-контроль не позволяют бедным попадать в те клубы, рестораны, казино, где развлекаются богатые, отсутствие средств не даст воспользоваться услугами тех же магазинов, медицинских и образовательных учреждений. Становится реальностью вполне законное и “мирное” выдавливание бедных из ставших элитными и просто престижными домов и дачных поселков путем навязыва-

ния обязательного дорогого сервиса по принципу “не можете платить – ищите жилье подешевле”.

Мобильность крупного капитала и богатых групп проявляется как непосредственно в вывозе капитала из страны – одной из важнейших проблем развития российской экономики, так и в отсутствии у его обладателей привязанности к родной среде. За рубежом оседают не только выводимые из России по разным каналам сотни миллиардов долларов, которые, соответственно, перестают работать на отечественную экономику. Сами обладатели этих миллиардов и их семьи уже не связывают себя, свои интересы и свое будущее с Россией. З. Бжезинский, отметив, что в банках США лежит не менее 500 млрд долл., принадлежащих российской элите, добавил: “Вы еще разберитесь, чья это элита – ваша или уже наша” [Вывоз...].

Параллельно усиливающемуся отчуждению богатых социальных групп в культуре богатства *все меньше места занимает его легитимация* как утверждение символического единства богатых социальных групп и общества. В условиях дезинтеграции общества у богатых социальных групп *исчезает необходимость оправдываться перед ним*. Богатые продолжают жить своей жизнью и даже во время мирового финансового кризиса увеличивать свои состояния, нередко благодаря прямой поддержке государства.

Особенность современного этапа развития состоит в том, что отныне встреча социальных групп, находящихся на разных концах шкалы доходов, все чаще переносится в *виртуальное пространство*, формируемое средствами массовой информации. Таким образом, и решение проблемы легитимации богатства переносится в *симулятивную плоскость*. Современное общество с доминированием денежной формы богатства и ее тяготением к глобальной мобильности превращается, по выражению Г. Дебора, в “общество спектакля”, где социальные связи опосредуются образами [Дебор, 2000, с. 23]. То, что в реальности отгорожено от чужих глаз высокими заборами и охраной, предстает перед обществом в виде светских новостей и завораживающих картин “красивой жизни” с обложек глянцевого журналов. Люди, не имеющие средств для удовлетворения базовых потребностей (в питании, жилье и одежде), охотно обсуждают достоинства элитных домов, автомобилей, украшений, известные им из глянцевого журналов или телепередач. Задаваемые богатыми образцы престижного потребления предстают перед обществом как спектакль, в который отчуждается реальная коммуникация. Подлинные взаимодействия между богатыми и бедными заменяются представлением и созерцанием *виртуальных* образов проживаемой жизни.

Как отмечает Бауман, в информационном обществе перевертывается принцип “Паноптикона”: не меньшинство следит за большинством в целях контроля и управления, а напротив, большинство наблюдает за меньшинством. Этот процесс на качественно новом социокультурном и техническом уровне возвращает к традиционной демонстрации богатства, когда большинству предьявлялась роскошь как маркер высокого социального статуса и доказательство права господствовать. В современном мире наблюдение большинства за сверхпотреблением меньшинства переносится в виртуальное пространство СМИ и становится способом распространения образов для подражания, реально всегда ограниченного наличными возможностями. Однако если традиционные элиты были в социальном плане абсолютно недостижимы, но представляли перед наблюдателями реально, как жители тех же пространств и участники тех же событий, то в условиях формального социального равенства современного общества элиты оказываются “не от мира сего”: «...они у всех на виду и в то же время недоступны, возвышенные и земные, они обладают гигантским превосходством и в то же время являются для “низших” сверкающей путеводной звездой, за которой те следуют или мечтают последовать» [Бауман, 2004, с. 79].

В условиях виртуализации коммуникаций между богатыми и бедными все больше распространяется явление, названное Вебленом “подставным потреблением”. Как правило, через СМИ не демонстрируются непосредственно потребительские и досуговые практики элиты бизнеса, крупных чиновников, которые стремятся к сохра-

нению приватности и показывают свои возможности лишь в закрытом узком кругу социально близких. В качестве информационных посредников, “групп влияния” образцы для потребительского подражания демонстрируют своим поклонникам артисты, спортсмены и прочие “публичные люди”. В контексте симулятивного единства происходит симулятивное же снятие развивающейся в реальной жизни социальной сегрегации. Многочисленные “желтые” издания и телепередачи о жизни богатых, а также сопутствующие им руководства для широкой аудитории по кулинарии, дизайну, моде переносят реальные проблемы социально-экономического неравенства в область виртуальных потребительских возможностей. Характерно, что с развитием описанных тенденций к 2010 г. из российского повседневного дискурса неравенства пропали анекдоты о “новых русских”: став привычными персонажами, они в то же время настолько отделились от реальной жизни, что перестали представлять интерес.

* * *

Вопрос о перспективах развития в России культуры богатства следует рассматривать в контексте усложнения современного общества и отношений социального неравенства, соответственно которым трансформируется и его дискурс. Отсутствие однозначных идентичностей, множественность ценностных ориентаций и культурных кодов, временный характер политических и социальных объединений приводит к тому, что растет самоизоляция богатых социальных групп. Акценты дискурса неравенства смещаются в область демонстрации престижных моделей повседневной жизни, в то время как проблемы легитимности богатства и его ответственности перед обществом привлекают все меньше внимания. Поэтому представляются несбыточными надежды на то, что по мере “привыкания” к богатству будет расти его культура, то есть демонстрация станет менее агрессивной, а усилия по легитимации и социальная ответственность возрастут.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р.* Мифологии. М., 2000.
Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004.
Бауман З. Текучая современность. М., 2008.
Бек У. Что такое глобализация? М., 2002.
Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1990.
Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
Вывоз капитала из России. Раздел из книги “Российские реформы в цифрах и фактах” (<http://www.kaivg.narod.ru/capital.pdf>).
Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М., 2010.
Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. № 3.
Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социологические исследования. 2004. № 3.
Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. М., 2011.
Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.
Зарубина Н.Н. Деньги как социокультурный феномен. М., 2011.
Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюции социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М., 2004.
Кравченко С.А. Социальные реалии и социология: подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 9. М., 2010.
Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992^a.
Лотман Ю.М. О семиосфере // *Лотман Ю.М.* Избр. статьи. В 3 т. Т. 1. Таллин, 1992^б.
Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян. М., 2006.
Свобода. Неравенство. Братство: социологический портрет современной России. М., 2007.
Simmel G. The Philosophy of Money. London, 1978.